

Едва перешагнув порог этого дома, я был круто облян. И поделом! Собака права: я действительно провинился перед ее хозяином — профессором Московской консерватории, замечательным пианистом **С. Доренским**. Весной 2001-го написал статью о победе Ольги Керн на фортепианном конкурсе имени Вана Клиберна. Ну как было хотя бы строчкой не упомянуть о ее учителе! А вот поди ж ты... Сергей Леонидович, как выяснилось, ни обиды, ни зла на меня не держал, но его собака с более строгим понятием.

К Доренскому пришел не «замазывать» свою промашку (хотя отчасти, конечно, и за этим), не в связи с 70-летием замечательного музыканта (впрочем, немалое и в связи). Дело в том, что мало сыщется педагогов, не обязательно в области музыки, чей послужной список содержит такое количество неоспоримых, выдающихся успехов. Стало быть, рассуждал я, лучшего собеседника на тему «Русская фортепианная школа» мне не найти. Об этом и условились говорить, назначая встречу.

Беседа получилась долгой, и остается лишь сожалеть, что всю не вместишь в газетный материал. Потому с согласия Доренского и с вашего позволения приведу ее в пересказе. А что фрагменты покажутся немного разрозненными (так, видимо, и есть), может, и к лучшему. И, наконец, вот еще что: сугубо мой текст выделю курсивом — Сергеем Леонидовичу излишне тексты ответственности за чужие слова...

ОДНАЖДЫ в Америке, рассказывает Доренский, повезли меня в Лас-Вегас — показать музей великого пианиста Либера-чи. Кто такой? Почему не слышал? Невольно вспомнились кадры из «Чапаева»: «Македонский! Почему не знаю?» Но тут, как увидите, совсем другая ситуация. Отвечают: ну как же! Либерачи такой великий пианист, все о нем знают. А в музее: и его одежда, и брелки, и перстни, и автомобили, и чего только нет! Между тем, строго говоря, он — никто. Настоящего пианиста не получилась, и он играл то, что я назвал бы халтурой: тарим-тарим-тарим-пам-пам...

У меня же в тот приезд была заветная цель — побывать в доме, где жил и умер Сергей Васильевич Рахманинов. В Лос-Анджелесе, в Беверли-Хиллс. Долго мои американские друзья искали, но нашли-таки этот дом. Ни музея, ни таблички даже. Ничего! Рахманинов, я считаю, величайший пианист XX века. Но против Либерачи, по их меркам выходит, Рахманинов — так себе, средней руки музыкант.

А ведь это показательно. В Америке, богатейшей — в культурном отношении тоже — стране мира, едва ли не все — заимствованное. Там предпочитают культуру покупать, импортировать. О собственной школе — в широком смысле этого слова — говорить не приходится. Между прочим, замечательный пианист Ван Клиберн, мой давний друг, тоже во многом «выпускник» русской пианистической школы. Он учился у Розины Бесси-Левин, вдовы прекрасного пианиста Иосифа Левина. К слову, оба в конце XIX века закончили Московскую консерваторию. Так-то.

ВОТ СКАЗАЛ: Рахманинов — первый, величайший пианист минувшего века. Но как быстро все забывается! Хотя и записи есть — в 1983-м собрание записей вышло, самое полное. В октябре прошлого года читал лекции в одной зарубежной аудитории — человек семьсот, наверное. Преподаватели фортепиано. Спрашиваю: кто слушал, как Рахманинов играл? Человек семь-восемь подняли руки, никак не больше. Но это, повторяю, преподаватели. А есть, поверьте, много исполнителей, которые произведения Рахманинова на публике играют, не дав себе труда — и лишив себя наслаждения! — познакомиться с авторской трактовкой. По-моему, такое недопустимо.

Слушал и невольно вспомнил, как всегда, знакомясь со своими новыми студентами — будущими журналистами, спрашиваю: кто читал тургеневские «Записки охотника»? И всякий раз оказывалось, что читали-то все, но только двести «записки», зная которые школьной программой предусмотрено. Так что охотно верю Доренскому.

ВЫ ПРОСИТЕ сформулировать, что такое отечественная пианистическая школа? Не думаю, что это можно сделать полно и точно. Главное же, пожалуй, глубокое проникновение в авторский замысел. Достижение образности. И — фантазия исполнителя! Кстати, этого-то зачастую не хватает многим азиатским пианистам. Технически, ничего не скажу, прекрасно подготовлены, а вот этого нет.

Наша же школа... Ее называли, понятно, советской, но это вздор. Русская пианистическая школа! Есть плеяда музыкантов — хранят и передают от поколения к поколению традиции, черты, отличающие нашу от иных школ.

Возьмите ряд. Я учился у незабвенного Григория Романовича Гинзбурга, лауреата самого первого конкурса имени Шопена в Варшаве в 1927 году. Он учился у Александра Борисовича Гольденвейзера, который в свою очередь учился у Зилоти (у него же учился и Рахманинов), тесно общался с Рахманиновым, Скрябиным, Меттнером... Мы этот ряд продолжим чуть ниже. Он куда как интересен. Причем не столько длинной, сколько непрерывностью.

НРАВИТСЯ это кому-то или не нравится, следует признать, что в эпоху, когда отечественная пианистическая школа именовалась советской, она достигла огромных успехов. И вообще музыкальное исполнительское искусство. Заметьте, не литература, не театр, не изобразительное искусство, а именно

исполнительское. Пожалуй, еще и классический балет тоже. Удивляться нечему. Это была отдушина. Когда играешь Моцарта или Чайковского, мало рискуешь быть обвиненным в отклонении от генеральной линии. Сколько имен, которые по справедливости предвеляют эпитетом выдающийся! И куда больше тех, о ком смело можно сказать: прекрасные.

Хотя, конечно, расцвет расцветом, а и теневых сторон хватало. Во-первых, ограничение в пространстве. Ведь не выезжали! Слава Богу, что в середине 50-х послабление вышло. А иначе кто бы в мире знал о Рихтере, Гилельсе, Ойстрахе? Ведь вот о Лемешеве и Козловском за рубежом почитай и не слышали. Разве что специалисты... Но и потом — недреманное надзирающее око, унижительные крохи, остающиеся от гонимых за концерты, «проработки»... Держали как рабов.

Никогда не забуду, какой экзекуции подвергли замечательного пианиста и педагога Якова Зака — профессора консерватории: один его ученик не вернулся из зарубежной поездки. Я, к слову, тоже попал в такую переделку. Так вот, Зака жестоко «прорабатывали», а особенно усердствовал представитель райкома партии. После заседания я пожал Якову Израилевичу руку и испытал потрясение: это была лапка лягушки — такая холодная. Спусти несколько дней Зак умер — сердце. И знаете, через несколько лет, когда можно стало, я написал об этой ужасной истории в газете. Назвав имя «папача», без обиняков заявил, что это он убил Зака. Прошло еще несколько лет, и тот партийный функционер подал на меня в суд за... клевету. Представьте себе, он выиграл дело! Суд не принял во внимание, что слово «убил» я употребил в переносном смысле...

РАССКАЗАЛ в начале об американском доме Рахманинова. Но и на родине с этим было куда как не просто. Играть-то, конечно, играли, но... Как-никак эмигрант!

Однажды проходило совещание с участием кандидата в члены политбюро, министра культуры Демичева. Посвящено было воспитательной работе. Как положено, выступали деканы, заведующие кафедрами: Евгений Нестеренко — от вокального факультета, я — от фортепианного... Чувшь какую-то несли... Когда я свою «обязательную программу» на трибуне выполнил, неожиданно даже для себя говорю, обращаясь к Демичеву: можно мне еще несколько слов? Он дозволил. И я сказал о том, что наболело. О том, что конкурсы имени Рахманинова проходят где угодно, в Осло, в Рио-де-Жанейро... — только не на родине. Нужно, говорю, организовать такой конкурс. Демичев благосклонно отнесся к идее. Запомнились его слова: «А что? Хороший был композитор». Как вам это нравится — «хороший»? Но главное, что конкурс появился. Сначала всеобщий, с 1993-го — международный. В 1993-м, к слову, первое место заняла ученица Доренского Ольга Пушечникова, известная теперь как Керн.

ПРИНЯТО говорить: такой-то — ученик профессора такого-то. Каково в данном случае содержание слова «учить»?

Суть в том, тщательно подбирая слова, говорит Доренский, чтобы учить не игре, а музыке. Как правило, студенты приходят к нам отменно технически подготовленными. И вот тут-то начинается главная, тонкая работа — как создать образ, как интерпретировать... Это «штучное производство». Что до меня, никогда не навязывал ученикам своего стиля, своих взглядов. Навязывая, вообще невозможно учить и научить. Наверное, по-

тому у меня сохраняются прекрасные отношения с ними, да и непохожи они один на другого. К счастью. Став уже маститыми мастерами, по-прежнему приходят, чтобы я послушал, что-то, может быть, подсказал. Да и просто поговорить. Когда-то и я ходил в гости к Гилельсу, к Рихтеру — не в последнюю очередь с такой же целью. И я на концертах своих учеников регулярно бываю. Пожалуй, успехи у меня на педагогическом поприще неплохие.

Неплохие, да... 85 раз ученики Сергея Леонидовича становились лауреатами престижных конкурсов. 84-й — Ольга Керн в Форт-Уорте (Техас), на конкурсе Вана Клиберна. 85-й — Ирина Крассотина в Барселоне*...

Много-много лет назад я прочел написанное замечательным футбольным журналистом Львом Филатовым о великом Боброве. Показатель 0,9 гола за матч Филатов трактовал так: одну десятую Всеволод Бобров оставлял свистунам на трибунах... Доренский начал преподавать как ассистент своего учителя — Григория Гинзбурга. Потом доцент, профессор, много лет — декан. Конечно, не с первого года преподавания его ученики стали привозить лауреатство престижных конкурсов. Но ведь есть такое понятие: отложенные результаты труда. Так что возьмем весь педагогический стаж. Поделив 85 лауреатств на 44 года, получим примерно 1,93. Недотягивает профессор Доренский до двух целых! Так пусть 7 сотых останется завистникам.

О завистниках — особый разговор.

В ПРИХОЖЕЙ квартиры Доренского сейчас висит, как самая дорогая картина, декабрьская афиша. На концерте в Большом зале консерватории, посвященном 70-летию маэстро, играли его ученики: Андрей Писарев, Денис Мацуев, Александр Штаркман, Владимир Руденко, Павел Нерсисян, Николай Луганский. Разумеется, это не все. Но и перечисленных на афише, думаю, достаточно, чтобы, взглянув на нее, испытать прилив гордости и счастья.

Если от своих учеников мне почти всегда прибавлялось радости, то через них — столько неприятностей, сколько я как концертнотрующийся пианист и представить бы себе не мог. Сергей Леонидович невесело

повлиял. Разве что на торжественном закрытии был — награды вручал. Впрочем, зависть, клевета да травля — обыкновенное, увы, дело в искусстве. Отечественное искусство исключения не составляет.

Конечно, в музыке, в отличие от спорта, нет неоспоримых результатов. Вердикты жюри на конкурсах в большой степени субъективны. Однако когда раз за разом успехи, когда вслед за лауреатством к молодому пианисту приходят международная слава и признание знатоков... Взять Колю Луганского. В 1994-м он стал вторым лауреатом конкурса Чайковского; но первую премию тогда не присудили никому, стало быть, он — победитель. Вот что пишет о нем сегодня в газете «Монд» авторитетнейший музыкальный критик Ален Ломпеш: Луганский — лучший пианист не только России, но и вообще нашего времени! Но все равно... Недавно один наш профессор спрашивает меня с ехидцей: мол, ну как там ваш джазист? Это о победителе конкурса Чайковского 1998 года Денисе Мацуеве. Он недавно в Большом зале консерватории выступал вместе с Георгием Гараняном и еще несколькими превосходными музыкантами: джазовые импровизации, джазовые обработки классики. Прекрасный концерт. Но я уж к таким колкостям попривык и стараюсь внимания не обращать, говорит Доренский, сповно закрывая тему.

Теперь я понимаю, почему его собака меня только облаяла. Зубы она, видите, бережет для «доброжелателей», если надумают сюда прийти.

МОЖНО ли, спрашиваю, говорить о том, что нынешние пианисты виртуозностью превосходят тех, кто жил и играл сто, двести лет назад? Ответ меня поразил и озадачил.

Думаю, уверенно говорит Сергей Леонидович, золотой век виртуозности уже позади. Другое дело, что пианистов-виртуозов стало намного больше, но это не имеет отношения к качеству. А вот увлечение виртуозностью в ущерб образности наблюдать приходится все чаще. Иной раз и поколачивают по клавишам. Сыграть пиано труднее, чем форте. Глубокий, проникновенный звук как был ценнейшей редкостью, так и остается.

Может, это из-за того, что десятилетиями играли в основном в больших залах. Между тем далеко не все произведения

рассчитаны на огромные аудитории, хотя бы и с прекрасной акустикой. Иная музыка прямо-таки требует небольших залов — на то и камерная.

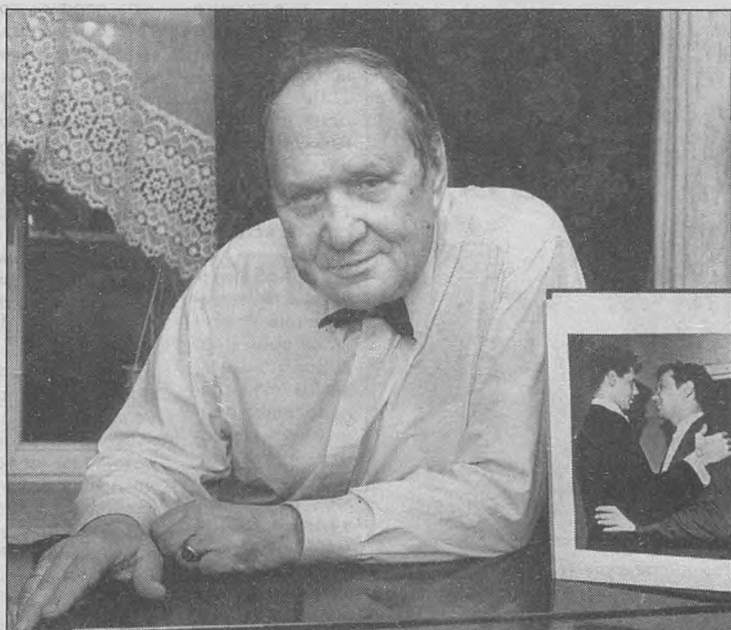
Ну и, конечно, спрос сильно влияет. Это тема специального, подробного разговора. Но когда слишком много выступлений... Вот у меня были годы — по 70 — 80 концертов. Это каторга. И качество снижается, потому что наступает усталость, творчество уходит на второй план.

Еще хуже, когда одно и то же произведение музыкант исполняет сотни раз. Перечитываю сейчас письма Рахманинова, он жалуется, что везде требуют, чтоб играл Первый прелюд. Этак возненавидеть можно даже самый раскрепосный шедевр!

ОТДЕЛЬНАЯ тема — концертные залы, пригодные для качественного исполнения настоящей музыки настоящими мастерами. Посмотрите: за все время советской власти в Москве не построено ни одного! Зал имени Чайковского не в счет — ведь он возводился для театра Мейерхольда. Для сравнения: в Японии 2700 залов — данные пятилетней давности. Две тысячи семьсот!

МЫ ГОВОРИМ: «преемственность». Но кто-то же должен ее обеспечить. Предоставленная сама себе, она очень скоро прервется. Возможно, что навсегда. Сегодня вместе со мной в консерватории преподают и мои ученики. Николай Луганский — педагог, Павел Нерсисян и Андрей Писарев — доценты, не сомневайтесь, будут профессорами. В учениках моих учеников — мое бессмертие.

Подумалось: ведь в жизни именно так — воистину видят свое продолжение не отцы в детях, а деды во внуках. Оттого и любовь во обыкновенно чище и нежнее.

Рядом с Сергеем Леонидовичем старая фотография: Ван Клиберн и Сергей Доренский. Когда мы были молодыми...

усмехается. За последние лет десять грязью обливали и смеивались с ней — бесцельно. Можно сказать, по стенке размазывали. И интриган. И чужих воспитанников затираю, проталкивая своих... Говорили и в газетах писали несусветные гадости.

Тут я смекнул, отчего первый наш, телефонный, разговор показался мне натянутым.

Вообще говоря, идиотизм какой-то: упрекать учителя в том, что помогает своим ученикам... Именно такие люди — со смешанными моральными ориентирами — обычно вопят: «Ты защищаешь его, потому что он твой друг!». Кого же, спрашивается, защищать, если не друга? Врага, что ли?

Но вот задумался бы кто-то из худителей: какой сказочной всесветной властью нужно обладать, чтобы 85 раз протолкнуть своих учеников в лауреаты? Именно всесветной, потому что победителями и призерами они становились и далеко за пределами отечества. Коли кому-то придет в голову, скажем, увязать золотую медаль Керн в Форт-Уорте с добрыми отношениями Доренского и Клиберна, так я готов под присягой свидетельствовать, что щепетильнейший Клиберн на свой конкурс и не ходит — чтоб, не дай Бог, не

Живет Доренский в Брюсовом переулке (бывш. улица Неждановой), что выводит прямехонько к консерватории. Этакую дорогу преодолевают не в авто, не в транспорте — пешочком. Уходят по ней еще долго-долго, Сергей Леонидович!

Леонид ГВОЗДЕВ.

Фото Александра ВОЛОДИНА.

*Пока это интервью писалось да отлеживалось в редакционном портфеле, еще один ученик Доренского — Федор Амиров — стал лауреатом. Жюри Рахманиновского конкурса в Москве присудило ему третью премию, хотя, на мой взгляд, он заслуживал большего. Ну да ладно, все равно пересчитаем. Уже меньше пяти сотых осталось недоброжелателям.